

АРАБСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ. К ДИАЛЕКТИКЕ ПРИЧИН И СЛЕДСТВИЙ

Взрывные события в ряде стран Северной Африки и Большого Ближнего Востока, привлекая к себе напряженное внимание всего мирового сообщества, побудили специалистов-исследователей сосредоточиться в первую очередь на анализе специфики политической и социально-экономической ситуации, и особенно характера протестных движений, а также реакции на них правящих режимов. На передний план аналитики все больше выходит проблема социально-политической трансформации в соответствующих странах и тесно с ней связанных перспектив мирных либо насильственных противоборств, включая интервенционистские действия «внешних игроков».

I

Перспективы формирования более представительной системы правления и стабилизации политического процесса на этой основе пока наиболее реальны в **Тунисе**, где соответственно, и взяла свое начало волна массовых протестных выступлений. За иллюзией относительно благополучной страны с умеренным режимом скрывались не только резкие контрасты в распределении доходов между правящими элитами и населением, но и растущее недовольство внутри элит монополизацией доходов и привилегий членами президентского клана. Степень коррумпированности этой узкой группы шла вразрез даже с традиционной, более устойчивой патронажной системой. В этих условиях, резкое ухудшение социально-экономической ситуации и рост безработицы, особенно среди молодежи, вывели низовые слои социума, причем в разных районах страны, а не только в столице, на улицы с требованием работы, социальных возможностей, улучшения условий образования и здравоохранения. На фоне истории и опыта политических выступлений и социальной мобилизации, а также относительно высокого уровня образования населения, важную роль в акциях протеста сыграли профсоюзы. Попытки репрессивных действий со стороны властей привели лишь к ускоренному слиянию социально-экономических требований с политическими.

Сочетание многих факторов: растущего народного недовольства в небольшой стране с гомогенным, 10-миллионным населением и слабевшим полу-авторитарным режимом, который сумел восстановить против себя даже многих своих традиционных сторонников, мобилизация образованных молодых граждан, в том числе с использованием новейших коммуникационных технологий и социальных сетей, при активной роли профсоюзов и оппозиционных политических партий – привело к быстрому развалу правящего режима. 14 января президент Бен Али бежал из страны, после чего реформистским силам удалось довольно быстро, хотя и не сразу, нейтрализовать основные элементы старого режима, включая ближайшее окружение семьи Бен Али, его правящую партию, а также министерство информации и службы безопасности, при невмешательстве военных. Насильственных эксцессов практически удалось избежать.

Ключевая задача нового режима в Тунисе - поиск баланса между давлением со стороны части общества, требующего радикальных реформ, и

необходимостью обеспечить социально-политическую стабильность. Из других мер в политической области на очередь дня выдвигается интегрирование умеренных исламистов в политическую систему (прежде всего, движения «аль-Нахда», которое отличается определенным прагматизмом). Многие будут зависеть от обещанного решения острых социально-экономических проблем. Сама по себе политическая революция едва ли способна будет эффективно решать эти проблемы. Более того, испорченный туристический сезон 2011 г., рост цен на нефть и спад иностранных инвестиций в условиях региональной нестабильности, не говоря уже о массовом притоке беженцев в результате конфликта в соседней Ливии, чреватые серьезными социальными и политическими последствиями, выходящими частично не только за пределы страны, но и за рамки средиземноморского региона.

II

Хотя массовые протесты начались в Тунисе и там же пал первый арабский режим, главным катализатором серии волнений стали, безусловно, события в **Египте**. Острейший внутривнутриполитический кризис, пиковая стадия которого длилась менее трех недель, не только привел к падению президента Х.Мубарака, смене правительства, перераспределению влияния среди элит, выходу на авансцену новых политических сил и началу коренной политической трансформации страны, но и стимулировал протестную активность в региональном масштабе.

В последние десятилетия правления Мубарака социально-политическую систему Египта отличал все более жесткий авторитаризм, монополия на власть одной партии – Национально-демократической, репрессии против оппозиционных сил, многочисленные злоупотребления со стороны служб безопасности, системная коррупция. Но главное – это резкий, даже по ближневосточным меркам, разрыв между узким конгломератом в высшей степени коррумпированных, прозападных правящих политических и экономических элит, хорошо интегрированных в мировую экономику – и подавляющим большинством 80-миллионного населения страны, значительная часть которого, особенно за пределами двух крупных городов (Каира и Александрии) ведет традиционный образ жизни и влачит жалкое существование. В этих условиях социально-политическое недовольство рано или поздно неизбежно должно было вылиться в масштабные внутривнутриполитические катаклизмы. То, что взрыв пришелся именно на начало 2011 г., объясняется как влиянием успеха движения протеста в Тунисе, так и внутривнутриегипетским контекстом: ростом популярности уличных форм протеста на фоне подтасовки результатов выборов ноября 2010 г. и явного стремления клана Мубарака любыми средствами обеспечить себе победу и на сентябрьских президентских выборах 2011 г. Катализатором начальной стадии массовых протестов явилась образованная городская молодежь, а важным мобилизационным инструментом на этом этапе стало использование новых информационно-коммуникационных технологий и социальных сетей (первый крупный митинг на площади Тахрир был организован активистами молодежного «Движения 6 апреля» путем призыва, распространенного через социальную сеть Facebook).¹¹

Основной формой протестов стала серия беспрецедентно массовых для Египта и региона народных выступлений. Главный лозунг – уход Мубарака. Из всех протестных кампаний в регионе египетская была ближе всего к

«безлидерному протесту». Попытки служб безопасности спровоцировать в основном руками проправительственных агентов «в штатском» масштабное насилие, привели к ряду жертв и инцидентов, но в целом успеха не имели. Позитивную роль сыграла армия, которая, в отличие от семьи Мубарака и структур безопасности, выступила гарантом ненасилия. В условиях опасного тупика, сложившегося в результате непрекращающихся массовых протестов, военное руководство отстранило Мубарака от власти, фактически совершив военный переворот. Важно подчеркнуть, что попытки представить широкое протестное движение либо как протест образованной прозападной молодежи, либо как козни исламистов в равной степени некорректны. Мобилизация городской молодежи с использованием Интернета и социальных сетей, действительно, имела катализирующее значение прежде всего на ранних стадиях, когда «братья-мусульмане» еще занимали выжидательную позицию (как запрещенной организации, подвергшейся наиболее жестким гонениям со стороны властей, им было что терять – в случае неуспеха протестов, именно на них, как и раньше, обрушилась бы основная тяжесть репрессий). В дальнейшем наблюдался рост активности исламистов, особенно в районе дельты Нила, где позиции светской оппозиции традиционно слабы.

Однако мощный протестный импульс еще предстояло перевести в русло институциональной политики. На проведенном 19 марта референдуме по поправкам в конституцию наблюдалась беспрецедентно высокая для Египта явка (41% избирателей), а 77% принявших в нем участие одобрили поправки к конституции.

На пути к политической стабилизации перед Египтом стоит целый ряд трудных проблем. Хотя временное военное руководство, которое вышло из прошлого режима, не заинтересовано в сохранении прямого контроля над высшей государственной властью, оно стремится контролировать темп и масштаб перемен на переходном этапе. Главное преимущество оппозиции в ходе протестной кампании – ее широкий, надпартийный, надсословный характер – при переходе к новому политическому режиму способно скорее создать затруднения. По мере проявления конфликта между различными силами и группами интересов первоочередной задачей становится обеспечение мирной политической конкуренции между партиями, формирование которых уже предусмотрено новым специальным законом. При низких темпах социально-экономического развития, наиболее прочную финансово-экономическую основу формирующихся партий, скорее всего образует одна из вариаций патронажной системы. А такой системой пока располагают только остатки бывшей правящей партии и «братья-мусульмане» (что открывает дополнительные перспективы недавно созданной ими Партии свободы и справедливости). В этих условиях молодым активистам и движениям светского толка, стоявшим во главе «египетской революции», будет непросто конкурировать с исламистами. В более долгосрочном плане в Египте довольно высока вероятность интеграции умеренных исламистов в политический процесс по турецкой модели, которая предполагает постепенное выдавливание военных из политики, признание политической роли ислама, но в рамках светской в своей основе политико-государственной системы.

При этом Египту, скорее всего, удастся заручиться достаточно серьезной внешней экономической помощью на переходный период, причем не только со стороны США и ряда других западных стран, но и со стороны арабских стран Персидского залива. Однако одних только внешних вливаний недостаточно – стране не обойтись без экономических реформ и программы структурной

перестройки экономики. Поступления от туризма, доходы от эксплуатации Суэцкого канала, экспорта нефти и хлопка, а также денежные переводы от мигрантов-египтян, работающих за границей, не могут компенсировать колоссальный дефицит внешнеторгового баланса. Развитие аграрного сектора жизненно необходимо для снижения чрезмерной зависимости страны от мировых рынков.

III

В отличие от Туниса и Египта образца 2011 г., для **Йемена** политическая нестабильность далеко не в новинку. Задолго до того, как 20 января демонстранты вышли на улицы столицы страны Саны с требованием политических реформ, 32-летний режим президента Али Абдуллы Салеха испытывал серьезные экономические трудности и был погружен в серию затяжных внутренних конфликтов. С одной стороны, в этой беднейшей стране региона в условиях истощающихся природных ресурсов, особенно нефти, в сочетании с быстрым ростом населения, 43% жителей выживают на 2 доллара в день. Центральная власть ведет многолетнее противостояние зейдитским племенам на севере и вооруженному левосепаратистскому движению на юге (население недовольно монополизацией правительством нефтяных ресурсов юга и государственной политикой исламизации всех сторон жизни). Оно усугубляется повсеместным распространением легкого и стрелкового оружия и активностью радикально-исламистских элементов, в том числе аль-Каиды.

С другой стороны, также в отличие от режимов Бен Али в Тунисе и Мубарака в Египте, режим Салеха носит менее авторитарно-репрессивный и более репрезентативный характер. Десятилетиями он адаптировался к меняющимся условиям, сформировав обширную межплеменную патронажную систему, избирательно делясь доходами с племенной верхушкой. Общациональные вооруженные силы в Йемене не играют автономной роли, а высшее военное командование состоит из родственников Салеха или его близких сторонников. Все это объясняет способность режима не только мобилизовать лояльные ему элементы на борьбу с активистами антиправительственных выступлений, но и организовать достаточно массовые демонстрации в свою поддержку.

Реакция режима на нараставшие антиправительственные выступления была смешанной. После того, как серия ограниченных экономических уступок и материальных подачек разным политическим силам не смогла положить конец протестам, президент Салех объявил о ряде уступок в вопросах об ограничении президентского срока и наследования власти. Но когда и это не сработало, власти при поддержке вооруженных лоялистов перешли к более жестким мерам. Поворотным пунктом можно считать события 18 марта, когда проправительственные элементы, засевшие на крышах зданий Университета Саны, начали расстреливать демонстрантов, а силы безопасности поддержали стрелявших. В результате погибло более 30 человек. К концу марта оппозиция публично отвергла возможность диалога с режимом и правящей партией Всеобщий народный конгресс, а переход на сторону оппозиции ряда видных представителей двух крупнейших племенных федераций Йемена, в том числе той, к которой принадлежит сам Салех – Хашид – еще более ослабил позиции президента.

Хотя, в конечном счете, уход Салеха более, чем вероятно, в йеменском случае, в отличие от Туниса и Египта, это вряд ли приведет к стабилизации.

Более того, прогнозируемо дальнейшее обострение внутривнутриполитических противоречий вплоть до погружения в меж- и внутривнутриплеменную усобицу, раскол по линии «север–юг» и дезинтеграцию страны. Кроме того, любое правительство, которое придет на смену правительству Салеха – многолетнего партнера США в борьбе с терроризмом на Аравийском полуострове – будет менее дружественным к США в условиях роста антиамериканских настроений. Все это заставляет Соединенные Штаты и их западных союзников быть гораздо более сдержанными в отношении поддержки оппозиции и критики правящего режима в Йемене, чем, например, в Ливии или Сирии.

IV

Одна из самых сложных и взрывоопасных ситуаций сложилась в **Бахрейне**. Здесь правит суннитская династия аль-Халифа, а более 65% населения – шииты (все правящие династии и республиканские правительства в арабских странах – суннитские, за исключением Сирии и Ирака). Шииты в основном отстранены от управления, их почти нет в армии и структурах безопасности, большинство бедных в Бахрейне – также шииты. Более того, доля шиитского населения за последние годы даже несколько снизилась в результате целенаправленного курса руководства страны на изменение конфессионального баланса за счет импорта рабочей силы из суннитских стран. Правительство пользуется устойчивой поддержкой суннитского населения, в том числе «братьев-мусульман» и других исламистов-суннитов (которые в других странах региона находятся в оппозиции или запрещены).

В условиях конфессиональных трений антиправительственные выступления в Бахрейне начались раньше и носили более масштабный характер, чем в других странах региона. Оппозиция во главе с лидерами шиитской общины десятилетиями требует перехода к конституционной монархии (в последний раз крупные беспорядки имели место в 1994 г.). В 2011 г. протесты начались спонтанно и быстро переросли в массовые демонстрации, которые, если сравнить число демонстрантов с общей численностью населения, стали самыми масштабными в арабском мире. Волнения были прямым продолжением антиправительственных выступлений, с которыми Бахрейн сталкивался последние 20 лет. Тем не менее, события в Тунисе и Египте повлияли на развитие ситуации в Бахрейне в плане как радикализации требований протестующих, так и ужесточения реакции правящих кругов при поддержке руководства соседних стран Персидского залива.

Оппозиционная коалиция Национальный альянс (наряду с шиитами, включает либеральных суннитов) призвала к созыву конституционной ассамблеи для выработки проекта новой конституции и проведению выборов в парламент, который был бы наделен полнотой законодательной власти и формировал бы правительство. Среди участников протестов звучали и более радикальные республиканские требования. По мере провала попыток оппозиции наладить диалог с властями, расхождения между ее умеренной и более радикальной частями стали обостряться. К 8 марта более радикальная часть оппозиции отвергла любую возможность компромисса с монархией и сформировала Коалицию за Республику Бахрейн, в состав которой вошли только шиитские организации «аль-Хакк», «аль-Вафа» и Движение за свободу Бахрейна. Внутри самой власти умеренное крыло, представленное суннитскими партиями в Национальном альянсе и умеренными либералами в составе королевской семьи во главе с крон-принцем Салманом бин Хамадом аль-Халифой, не отвергало возможность конституционных реформ. Оно

противостоит консерваторам, сплотившимся вокруг премьер-министра Халифа бин Салмана, дяди короля, который возглавляет правительство уже на протяжении 40 лет. Его довод: любая демократизация и уступки шиитам приведут только к их дальнейшей радикализации и позволят соседнему шиитскому Ирану взять под свой контроль ситуацию в Бахрейне. Именно это, по мнению консервативных кругов стран Залива, ранее произошло в Ираке в результате «демократизации» после интервенции США 2003 г.

С точки зрения властей арабских стран Персидского залива, которые, за исключением Саудовской Аравии, в разное время были готовы идти на косметические уступки подданным при условии твердого сохранения монархий, провозгласив откровенно республиканскую программу, шииты Бахрейна «перешли Рубикон». То, что при этом шиитская коалиция не упомянула, как она относится к идее «Исламской (суннитской) республики», лишь усилило опасения властей и всех суннитов в этой части региона относительно того, что речь идет о призывах к республике иранского типа. Обеспокоенность тем, что растущая активность шиитов в Бахрейне спровоцирует радикализацию шиитского населения и в других странах Залива, особенно в Саудовской Аравии, и создаст плацдарм иранского влияния в регионе, привела к решению Саудовской Аравии поддержать власти Бахрейна в подавлении «шиитского мятежа» путем ввода войск на территорию страны был введен саудовский континент (около 1000 чел. при поддержке танков), на что США предпочли закрыть глаза.

Хотя ни Вашингтон, ни внутрисуннитская оппозиция в Бахрейне не считают, что за массовыми шиитскими выступлениями в Бахрейне напрямую стоит Иран, «антидемократические» действия властей Бахрейна и саудовская интервенция не вызвали особых проблем у администрации Обамы. Причина – в заинтересованности США в сохранении своей военной базы на Бахрейне, где расквартировано командование Пятого флота американских ВМС, а также в необходимости восстановить доверие в американо-саудовских отношениях, подорванное недовольством властей Королевства тем, что США отказались поддерживать египетского президента Мубарака. В данном случае, эти стратегические интересы США явно идут вразрез с провозглашенным администрацией курсом на поддержку демократии в арабском мире.

Внимание от жесткого подавления антиправительственных выступлений в Бахрейне в значительной мере отвлекли конфликт в Ливии и дестабилизация обстановки в Сирии. Показательно сравнение реакции на события в этих трех странах со стороны США и Запада. В то время как в Бахрейне имело место прямое попустительство жесткому подавлению авторитарным монархическим режимами оппозиционных выступлений, в Ливии Запад выбрал прямо противоположный курс – мощной политической поддержки и военной интервенции на стороне вооруженной оппозиции. Что касается Сирии, то в данном случае, несмотря на сложные отношения с баасистским режимом Б.Асада и на применение властями крайне жестких силовых мер против набирающих силу демонстраций, поведение США и Запада носило гораздо более сдержанный характер. Мотив несложен – учитывался фактор лидирующей роли исламистов.

V

Если военная интервенция США, НАТО и ряда арабских стран в **Ливии** (началась 18 марта с военно-воздушной операции США, Великобритании и

Франции формально во исполнение резолюции 1973 Совета Безопасности ООН, но почти сразу же вышла за рамки этой резолюции), находится в центре внимания прессы и аналитиков, то внутривосточная специфика освещена совершенно недостаточно. Между тем, именно в ней – ключ к пониманию как быстрой эскалации антиправительственных выступлений, начавшихся в середине февраля, до уровня гражданской войны, так и перспектив дальнейшего развития ситуации.

Если современный Египет и Тунис существовали как государства и до прихода к власти Мубарака (в 1981 г.) и Бен Али (в 1987 г.), то характер «Джамахирии» – политического режима, установленного полковником Муаммаром Каддафи еще в 1970-е гг. и основанного, как утверждалось им, на «прямом правлении масс» сделал ее полностью зависимой от фигуры самого Каддафи. В отсутствие формальных политических институтов – за исключением районных и региональных «народных советов», построенных по племенному принципу – основной опорой режима стали кланово-племенные объединения, с которыми режим довольно щедро делился нефтяными доходами. При этом центральную роль в структуре власти – в том числе в силах безопасности – играли члены кланово-племенной группы самого Каддафи и близкие к ней племена, а регулярные вооруженные силы были относительно слабы. Такая специфика политического устройства «Джамахирии» объясняет, почему демонстрации, особенно на традиционно оппозиционном востоке страны, так быстро переросли в тотальный конфликт: бескомпромиссное требование ухода Каддафи со стороны движения протеста подразумевает не просто смену одного правящего режима другим, а полный коллапс того государственно-политического устройства и кланово-племенного баланса, которые были целиком завязаны на личности М. Каддафи.

Если оценивать внешнюю военную интервенцию в Ливии в этом контексте, то ее можно рассматривать как фактический раздел страны, где в той ее части, которую контролирует оппозиция, начинает формироваться альтернативная социально-политическая система, которая, однако, не может быть автоматически распространена на всю страну даже в случае разгрома сил Каддафи. Гораздо более вероятен не переход к демократическому правлению, а распад страны на несколько квазигосударственных, в основном кланово-племенных образований. Военная кампания НАТО спасла оппозиционные Каддафи силы от разгрома, но не оказала решающего влияния на исход противостояния, которое приобретает все более тупиковый характер. При этом выдвигаемое повстанцами требование и интервентами ухода Каддафи в качестве предварительного условия начала переговоров по определению означает продолжение конфликта. Затягивание же конфликта не только оборачивается тяжелыми последствиями для населения самой Ливии, но и угрожает ее соседям (как массовыми потоками беженцев, так и риском активизации радикально-исламистских элементов, которые действуют в Алжире, Мали и Нигере). В складывающейся обстановке предпочтительным во всех смыслах сценарием было бы привлечение ООН и тех ее членов, которые не принимают участия в военной интервенции, к поиску политического решения конфликта и к переговорам.

Наконец, для полноты картины следует также упомянуть о тех странах региона, которые к лету-осени 2011 г., по разным причинам, не стали ареной массовых волнений и где с антиправительственными настроениями пока удается справляться «мягкими» методами. Это, во-первых, богатые нефтедобывающие монархии, входящие в состав **Совета по**

сотрудничеству стран Персидского залива. Эти страны (за исключением разделенного по сектарному признаку Бахрейна) могут себе позволить избранный ими курс на превентивное «выпускание социального пара» путем достаточно крупных материальных подачек недовольным социальным слоям, в сочетании с вялыми обещаниями ограниченных политических реформ и готовностью всех режимов этого типа, в случае необходимости, задействовать все рычаги и структуры безопасности для подавления более радикальных выступлений.

Во-вторых, отдельного внимания заслуживают и страны, где правящие режимы – в ответ на протестные акции или даже в превентивном порядке – официально провозгласили курс на политические реформы (Марокко, Алжир и Иордания). Время покажет, насколько такие декларации отразили реальное стремление правящих элит к реформам, к предотвращению массовых беспорядков и социально-политических катаклизмов. Из всех подобных инициатив наиболее значительная конституционная реформа пока была предложена в марте 2011 г. королем Марокко Мохаммедом VI (она предусматривает разработку нового проекта конституции, которая должна усилить роль парламента, органов местного самоуправления и независимость судебной власти). Заблаговременно – еще в феврале – заявил об отмене 19-летнего чрезвычайного положения и президент Алжира Абдель-азиз Бутефлика, который, однако, пока не пошел на серьезные уступки по ограничению президентского срока и расширению возможностей для формирования новых политических партий. Наконец, хотя король Иордании Абдалла II до сих пор против конституционной монархии или формирования правительства по итогам выборов, и он отправил правительство в отставку и поручил новому премьер-министру разработать курс на умеренные политические реформы.

VI

Даже предпринятый нами краткий обзор массовых протестов в арабских странах Северной Африки и Ближнего Востока в первой половине 2011 г. диктует максимально осторожный подход к далеко идущим обобщениям. Наибольшие вопросы вызывает сложившаяся в средствах массовой информации и в значительной части аналитики, причем не только западной, тенденция интерпретировать главную движущую силу массовых протестов как продвижение демократии, причем в ее либеральном понимании. В этом духе волна протестов в арабском мире 2011 г. мыслится чуть ли не «вторым изданием» демократических перемен 1989–1990 гг. в восточно-европейских странах – бывших членах советского блока.

Волна массовых протестов в странах региона, особенно в Тунисе и Египте, действительно, подрывает распространенный еще недавно тезис о невозможности демократических перемен в арабском мире. Однако попытки подвести все эти волнения «под одну гребенку» и представить их доказательством торжества и привлекательности идеалов западной демократии носят весьма однобокий и идеологизированный характер. В них, в частности, игнорируется участие в протестах исламистов, которых трудно причислить к прозападным силам. Но главное, такой подход игнорирует важнейшую составляющую всех протестных акций в регионе – требования большей социальной справедливости в распределении национального дохода и сильный эгалитарный импульс. Эти мотивы отнюдь не идентичны требованиям политических свобод и в большей степени соответствуют не либеральной, а

лево-социалистической или/и исламистской ориентации. Мощный социальный подтекст «арабской весны» не менее, а возможно, и более важен, чем политический, включая борьбу за переход к более представительной государственно-политической системе.

Следует иметь в виду, что стремление к большей социальной справедливости со стороны разных слоев населения неизбежно обернется массовыми требованиями не только отказа верхушки правящих режимов от политической власти, но и перераспределения части национального экономического богатства, в том числе собственности и доходов от эксплуатации ресурсов, что может привести к новому витку волнений и беспорядков. В то же время сосредоточенность протестных сил на этих вопросах отодвигает на второй план, по крайней мере, в ближайшей перспективе, радикально-исламистскую альтернативу (строительство «халифата») для большинства стран региона,² хотя умеренные исламисты, наряду с другими силами, играют кое-где значительную (в Египте) или даже ведущую роль (на севере Йемена, в Бахрейне и Сирии) в оппозиционных выступлениях. В этом смысле интеграция умеренных исламистов – прежде всего, движения «братьев-мусульман», в политический процесс – становится приоритетной задачей.

Наконец, близорукость западного энтузиазма по поводу демократических перемен на Ближнем Востоке проявляется и в том, что не вполне учитывает внешнеполитические последствия возможного формирования в регионе более репрезентативных (и в этом смысле более демократических) политических режимов, в большей степени отражающих интересы населения своих стран. Есть все основания полагать, что такие режимы – именно потому, что больше учитывают общественные настроения в своих странах – будут более жестко настроены по отношению как к Израилю, так и к политике США и европейских стран – прежде всего, в палестинском вопросе, а также в отношении региона в целом. Эта проблема может обостриться и по мере затягивания вооруженного конфликта в Ливии. Иными словами перспективы развернувшихся процессов не однозначны и с точки зрения общепланетарных процессов. Они могут подкрепить тенденции к упрочению международного мира и мирного разрешения конфликтов. Но некоторые их следствия способны при неблагоприятных исторических поворотах послужить и запалом для новых конфликтов, причем в достаточно широких, отнюдь не одних только региональных масштабах.

Примечания

¹ Подробнее об этом см. *Stepanova E. The Role of Information Communication Technologies in the “Arab Spring”: Implications Beyond the Region / PONARS Eurasia Policy Memo, May 2011*

² Подробнее о трактовке протестных движений на Ближнем Востоке как «постисламистских» см. *Roy O. “Post-Islamist revolution”: events in Egypt analyzed by French expert on political Islam / The European Institute EI Blog. 17 Feb. 2011 <<http://www.europeaninstitute.org/February-2011/by-oliver-roy.html>>.*